

Злата Хитрова

СЫН РЕКТОРА.
Я не стану твоей
содержанкой!

Злата Хитрова

**Сын ректора. Я не стану
твоей содержанкой!**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Сын ректора. Я не стану твоей содержанкой! / З. Хитрова —
«Автор», 2026

В первый день учёбы сын ректора разорвал мои чертежи перед всем курсом. Марк Валерьев назвал мой проект мусором, а меня выставили из общежития. Я приехала в архитектурную академию за мечтой, но оказалась без денег, крыши над головой и права защищаться. И всё же тот, кто меня унизил, неожиданно помогает восстановить работу. Ночами мы вместе пересчитываем конструкции, спорим и всё сильнее тянемся друг к другу. Пока я не нахожу старые чертежи его погибшей матери. Они удивительно похожи на мои. Кто присвоил чужой талант? Почему моя мама молчала столько лет? И сумею ли я довериться Марку, если однажды он оставил меня в беде?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Злата Хитрова

Сын ректора. Я не стану твоей содержанкой!

Глава 1

В первый день в Академии Строгих Искусств я дважды протёрла папку рукавом: у входа и перед аудиторией. На пластике осталась серая полоса. Вот ведь упрямая пыль. Дома я на всякий случай тренировалась входить, здороваться и класть работу на стол. Здесь, перед дверью №304, вдруг забыла, с какой руки удобнее переложить папку. Только бы не выронить листы. Только бы добраться до преподавателя и дать ему их посмотреть.

Мама мыла полы в чужих домах, папа снова искал работу. Я готовилась по ночам, когда никто уже не включал телевизор, и поступила на стипендию. В моём «Гнезде» для мамы была спальня с окном во двор: не проходная, как дома, и без ведра за дверью. Я ни за что не сказала бы этого на защите. Там полагалось говорить о рациональной планировке. Если чертежи хорошие, зачем им знать, чья я дочь?

Из аудитории потянуло табаком. Под табличкой «Не курить» стоял стакан с окурками, причём вполне себе свежими. Профессор Громов листал журнал; никто не торопился ни затушить сигарету, ни сесть. Я попыталась встретиться с ним взглядом и подняла папку повыше. Он перевернул страницу. Ну, ладно. Подойду к столу — тогда уж заметит.

До преподавательского стола оставалось несколько шагов, но передо мной встал парень в тёмном пиджаке. Марк Валерьев. Его фотографию я видела ещё на сайте академии, возле фотографии ректора. Лично он оказался выше и гораздо неприятнее: даже голову не поднял, когда я остановилась. Просто продолжал листать телефон. Обойти его мешали стулья; один можно было отодвинуть, но я почему-то упрямо ждала, что он сам уступит.

— Уйди с дороги, — процедила я сквозь зубы, стараясь говорить тихо, чтобы никто не услышал.

Марк наконец оторвался от телефона. Серые глаза задержались на моём лице и спустились к папке. Он улыбнулся, не показывая зубов. Я крепче ухватила за край: эту улыбку он адресовал моей работе, и мне она совсем не понравилась.

— Посмотрим, что там у нас, — сказал он и взялся за папку.

— Руки убери.

Застёжка впилась мне в палец. Я потянула на себя, но Марк дёрнул сильнее, и пришлось разжать руку. Папка осталась у него. Я посмотрела на Громова: он ведь видит, он должен видеть.

За папкой я потянулась обеими руками. Марк отступил и поднял её над плечом; за ним уже останавливались студенты. Можно было подпрыгнуть. Можно было вцепиться в рукав. И то и другое они бы сняли на телефон. До сдачи работы оставалось минут десять, а я стояла здесь и выбирала, какой именно душой выглядеть.

— Это моя работа, Марк, — мой голос сорвался на шепот.

— Твоя? — он развернулся спиной ко мне, открывая доступ к столу преподавателя. — Ну-ну. Давай посмотрим, стоит ли тратить время профессора на мусор стипендиатов.

Застёжка щёлкнула у него под пальцами. Марк перевернул папку над столом, и мои листы соскользнули на дерево, зацепив журнал Громова. Я шагнула было к ним — он отодвинул меня плечом и разложил чертежи веером. Верхним оказался фасад. Три ночи за этим листом, а он держал его за угол, как рекламную листовку.

— Вот этот фасад... детсадовская мазня. А эти несущие конструкции? Их бы слон раздавил одним шагом. Смешно. Очень смешно.

За спиной перестали разговаривать. В третьем ряду коротко засмеялись, потом ещё раз, громче. Я обернулась: Вика Соколова, дочь декана, снимала телефон со штатива. Увидев, что я смотрю, она подняла его выше. Мы познакомились утром, и я ещё помнила её «Садись со мной». Теперь на экране было моё лицо.

— Ой, Марк, не будь таким жестоким! — пропищала она, но её глаза блестели от азарта. Она начала снимать сторис, показывая пальцем на бледное лицо преподавателя, который вдруг заинтересовался своей ручкой. — Подписчики хотят видеть шедевры! А тут... ну, скажем так, оригинальный подход к хаосу.

Шея под воротником стала мокрой. Я могла бы сказать, что это не смешно, но они и без меня знали. Могла бы позвать Громова — вдруг всё-таки поможет? У него уже была ручка наготове. Почему-то именно эта ручка удерживала меня от слёз: он собирался записывать посещаемость, пока Марк ковырялся в моей работе. Я заставила себя смотреть на фасад, а не на телефон Вики.

Марк выбрал лист фасада. Я сразу увидела маленькую затёртую точку у верхнего окна: на ней вчера три раза сломался грифель. Он сложил лист, провёл ногтем по сгибу.

— Не надо.

Я сказала это слишком тихо. Он поднял глаза, проверяя, смотрю ли я, и потянул бумагу в разные стороны.

Бумага треснула. Этот звук я потом слышала даже с закрытыми ушами. Куски полетели в разные стороны.

— Мусор, — констатировал Марк, бросая клочки обратно на стол. — Стипендиаты всегда мыслят категориями дешевизны, а не структуры. Прощай, Алина.

Профессор Громов наконец поднял глаза. Он увидел рваные чертежи, посмотрел на меня, и... отвел взгляд. Сделал вид, что ничего не произошло. Я ждала хотя бы: «Прекратите». Громов поправил колпачок ручки. Так и не сказал.

— Собери свой хлам, — приказал Марк, указывая на пол, куда упали несколько листов. — И выйди. Ты позоришь академию своим присутствием.

Я опустила на колени, зацепившись ладонью за край стола, чтобы не упасть. Кто-то за спиной шепнул: «Снимай ниже». Выпрямиться сразу я уже не смогла. Руки дрожали так сильно, что я никак не могла схватить скользкий кусок бумаги. Один клочок выпал из пальцев и улетел под ножку стула Вики. Она хихикнула, но не помогла поднять.

Клочок с размером пролёта, кусок крыши, подпись. Я складывала их по порядку, пока порядок ещё помнился. У ножки Викиного стула лежало верхнее окно. Пришлось попросить её подвинуть ногу; она не подвинула, и я вытянула кусочек двумя пальцами. Когда встала, бумага хрустела в ладонях. Не хотелось прижимать её к себе: помню ещё сильнее. Но иначе руки было некуда деть.

Я вышла из аудитории, не оглядываясь. Коридор встретил меня гулом голосов и запахом кофе. За дверью слышался новый взрыв смеха, вероятно, обсуждали мои «детские мазни».

Вика выскочила следом и догнала меня у стены коридора. Она выглядела обеспокоенной, но её глаза оставались сухими и расчетливыми.

— Алин, ты чего? — она шагнула навстречу, положив руку мне на плечо. Ее пальцы были теплыми, но я почувствовала холод, как от прикосновения змеи. — Марк просто играет с тобой. Ты же знаешь его характер. Для него это комплимент. Если бы он действительно презирал тебя, он бы даже не стал смотреть твои чертежи.

Я резко отдернула плечо, словно она ударила меня.

— Не трогай меня, — прошипела я, глядя ей прямо в глаза.

Вика моргнула и убрала руку. На секунду я обрадовалась: дошло. Но она посмотрела на свой телефон, проверила запись и уже без прежней заботливой интонации сказала:

— Дурочка, — фыркнула она, убирая телефон в карман. — Тебе же лучше быть скромной. Ладно, я побежала. Там еще много контента осталось снять.

Она отвернулась и ушла, цокая каблуками по паркету. Ещё утром я приняла её улыбку за приглашение сесть рядом. Хорошо хоть не успела рассказать ничего о доме.

До общежития было два километра. На первом светофоре я не заметила зелёный, и человек сзади задел меня сумкой. Дома после такого дня я закрылась бы в ванной. Здесь была комната 124, узкая кровать и чайник. Мне хватило бы и этого. Нужно только добраться, разложить листы на покрывале и понять, какие куски я потеряла.

У входа в корпус «Б» я увидела свой свитер. Он лежал в холле, на полу. Мои чемоданы, свитера, учебники, любимая кружка — все это лежало кучей в центре общего пространства, рядом с мусорными баками. Рядом стояла комендантша, тетя Галя, с видом человека, выполняющего рутинную работу.

— Что происходит? — мой голос прозвучал хрипло.

— По указанию сверху, — равнодушно ответила она, не отрываясь от журнала. — Комната 124 нужна факультету. Перепланировка, ремонт. Освобождай место.

— У меня есть ордер! Я оплачиваю проживание из стипендии! — я достала из кармана смятую бумагу, доказательство моего права быть здесь.

Комендантша забрала документ, брезгливо осмотрела его и порвала пополам.

— Бумажная власть, — усмехнулась она. — Тут правила другие, девочка. Ступай.

Я присела возле чемодана и сложила в него свитера. Кружка уцелела — это оказалось так важно, что я ещё раз провела пальцем по ручке. Мимо прошла девочка с моего семинара. Она замедлила шаг, увидела меня, потом торопливо достала телефон. Я не попросила помочь. Боялась услышать ещё одно «не положено» и от неё.

Глава 2

Ночь упала на город внезапно, принесла с собой холодный дождь. Я тащила тяжелые сумки назад в здание академии, потому что идти было некуда. Друзей у меня не было. Родители далеко, и они не могли помочь финансово или юридически прямо сейчас.

Я нашла пустую лекционную аудиторию на третьем этаже. Окна запотели, свет не горел. В темноте, под шум дождя, барабнящего по стеклам, я села на пол, прислонившись спиной к парте.

Разложила перед собой обрывки чертежей. Нашла в пенале канцелярский скотч. Мои пальцы, окоченевшие от холода и стресса, плохо слушались. Я пыталась склеить разорванный фасад. Одна полоска. Вторая. Третья. Работа была безнадежной. Швы торчали, бумага рвалась дальше.

На фасаде полоски скотча легли внахлест. В отражении окна я увидела, как сижу над ними, согнувшись почти пополам. Встала бы, если бы могла придумать, куда дальше идти. Я опять прижала разорванный край к полу и разгладила: хоть это можно было сделать прямо сейчас.

Звук шагов в коридоре заставил меня замереть. Дверь аудитории скрипнула, впуслав поток света из коридора и фигуру Марка Валерьева.

Он не включил верхний свет. Только фонарик телефона, луч которого метнулся по стенам и остановился на мне. Он увидел мои вещи, разбросанные по полу. Увидел меня, сидящую на грязном кафеле, с порванными чертежами в руках.

Я инстинктивно спрятала руки за спину, ожидая новой волны насмешек. Ждала, что он скажет: «Прямо как в сказке, Золушка осталась без туфельки».

Марк приблизился, и на кафеле остался мокрый след от туфли. Я подтянула сумку к коленям. Вдруг сейчас пнёт. Он остановился в метре от меня, посмотрел на склеенный фасад, потом на чемодан. Я ждала улыбки. Он почему-то нахмурился. От этого стало не легче: я уже знала, что делать с насмешкой, а с таким молчанием — нет.

Он молча сунул руку во внутренний карман пиджака. Достал что-то маленькое и блестящее. Положил это передо мной на пол.

Это была зажигалка. Тяжелая, металлическая, с гравировкой в виде монограммы. И сигарета. Одна.

Я смотрела на эти предметы, не понимая смысла. Зачем? Чтобы я курила? Чтобы я грелась?

Марк пошёл обратно, не закрыв дверь. Из коридора тянуло, и я сразу прижала край чертежа сумкой, чтобы не унесло. Никаких денег на гостиницу он не оставил. Скотч не взял, листы не поднял. Просто положил передо мной две вещи и ушёл. Я смотрела на дверной проём ещё какое-то время, словно там должен был появиться переводчик с объяснением, что всё это значит.

Я не понимала, что он хотел этим сказать. После утреннего «мусора» даже молчание казалось подвохом.

Я взяла зажигалку. Она была теплой от его руки. Щелчок. Маленькое пламя вспыхнуло в темноте, освещая мои испачканные чернилами пальцы и порванную бумагу. Я не закурила. Несколько секунд я смотрела на огонь, затем отпустила рычажок: металлический корпус обжигал палец.

Незажжённая сигарета осталась на полу. Зажигалку я убрала в карман, рядом со скотчем. Завтра верну ему и спрошу, чего он добивается. Если хватит смелости.

На следующий вечер я снова пришла в общежитие — за зарядкой и запасной курткой, которые не нашла среди выброшенных вещей. Галина Петровна встала поперёк двери и крутила ключ от моей комнаты на пальце.

— Вещи? — переспросила она так тихо, что я почувствовала ледяной сквозняк у затылка. — В комнату не пущу. Ты нарушила правила проживания. Ты опозорила курс. Ты... «позорная».

«Позорная». Я даже оглянулась: это мне? Слово было детское, нелепое, а Галина Петровна сказала его с таким удовольствием, что захотелось проверить лицо. Может, у меня на лбу действительно что-то написано, раз сегодня все это видят.

Я открыла рот. Что сначала объяснить? Как Марк забрал папку? Как Вика смеялась? Почему я не ушла сразу? Пока выбирала, Галина Петровна повернула ключ. Я дёрнула ручку уже закрытой двери и ударилась костяшкой о металл. За стеклом она что-то сказала дежурной, обе посмотрели в мою сторону. Самое обидное: они даже не спешили. Я могла торчать под дверью до утра.

За стеклом двери было тепло. Галина Петровна вернулась к своей чашке, а я так и стояла под козырьком, с пустыми руками. Зарядка стоила двести рублей. Даже эти двести сейчас были ей важнее меня.

На обратном пути вода затекла в обе туфли. Я остановилась под деревом, вытряхнула одну, и поняла, что со второй возиться бессмысленно: через пять шагов будет то же самое. В академии поставила сумки у лестницы, примотав ремень одной к ручке другой. Если кто-то решит забрать, пусть хотя бы потрудится. Дальше пошла только с учебной сумкой через плечо. Коридорный свет за спиной гас так быстро, что я ускоряла шаг, хотя ноги уже болели.

Мокрые подошвы хлопали по линолеуму. Я несколько раз оглянулась, прежде чем поняла, что слышу собственное эхо. Потом сверху донеслось Викино «Ещё налей». Она хваталась вином из отцовских запасов ещё днём; теперь свита собралась в лаунже на третьем этаже. Я замедлилась у лестницы. Наверх всё равно нужно. Но если она сейчас выйдет, хватит ли у меня сил снова пройти мимо её телефона?

За поворотом лестницы я прислонилась к стене. От неё пальто намокло ещё сильнее. Постояла, пока перестало колоть под рёбрами, потом обхватила себя за локти. Шарфы на людях в лаунже, наверное, были сухими. Я злилась уже не на них, а на собственную дурацкую привычку считать, кому теплее. Аудитория. Мне нужна открытая аудитория. Сравнивать буду потом.

Все аудитории были заперты на магнитные замки. Я дёрнула ручки одна за другой, пока пальцы не стали белыми от напряжения. Никто не открывал. Старосты спали, преподаватели давно уехали. И тут я увидела свет. Тусклый, желтоватый свет пробивался из-под двери самой дальней аудитории на третьем этаже — №304. Я заглянула в узкое стекло двери: внутри горела забытая настольная лампа. Одно окно было приоткрыто.

Сегодня я уже спала бы дома, если бы сдалась. Но завтра мне снова нужно быть на занятиях. Я проверила, можно ли дотянуться до оконной ручки с пожарной лестницы.

Из аварийного выхода я попала на пожарную лестницу. На первой ступеньке поехала нога; пришлось вцепиться в перила обеими руками. До окна добралась боком, прижимаясь к стене. Сначала протолкнула внутрь сумку, потом перекинула ногу. Рама царапнула предплечье, и я зашипела, но не остановилась. Снаружи щипало дождём, внутри хотя бы не капало на голову. Это уже можно было считать улучшением.

Подоконник распух от воды. На нём лежала мокрая полоска бумаги, и я убрала руку, пока ладонь не присохла к ней. В аудитории было так холодно, что идти дальше от окна оказалось незачем. Я поставила сумку на сухой край парты, прикрыла створку и послушала, не идёт ли кто-то к двери. Лампу трогать боялась: вдруг свет заметят с улицы. Но выключать тоже не хотелось.

Я попыталась сесть на первую парту. Парта закачалась. Я соскочила: только сломанной мебели мне сейчас не хватало. Телефон в кармане вибрировал. Экран показывал 15% заряда и полное отсутствие сети. В глубине старого корпуса сигнал пропадал. Никаких звонков маме, никаких сообщений друзьям. Только я, холод и темнота. Я подняла телефон к окну, но ни одной полоски не появилось.

От голода стало подташнивать. Утром я покупала булочку и хотела оставить половину на вечер; съела всю по дороге, даже не заметив. Теперь вспомнила эту половину с невероятной подробностью. Заодно вспомнила Марка и его «мусор стипендиатов». Особенно гадко было то, что я на секунду с ним согласилась. Если он нашёл настоящую ошибку в опорах? Пока он издевался, я ведь не успела проверить.

Можно уехать. Утренний автобус, деньги на него наскребу. Мама не скажет ни слова, только поставит чайник; папа спросит, много ли у меня вещей. От этого стало ещё хуже. Я вполне могла прожить дома, устроиться официанткой, откладывать на курсы. Но каждый день пришлось бы помнить, что из академии меня выгнал не преподаватель и даже не экзамен. Какой-то парень порвал бумагу, и я поверила ему больше, чем себе.

Я прикусила губу, поймала вкус крови и разжала зубы. Ну замечательно, теперь ещё и губу раздую. Плакать хотелось, но нос уже был заложен. Села между партами, подтянула колени и заметила на полу пыльную полосу. Провела по ней пальцем: получилась прямая. Ещё одна. Что, если попробовать восстановить фасад хотя бы так, без бумаги? Проверить, чего я сама стою, пока никто не мешает.

Линия фасада. Окна в пол. Несущие колонны. Я восстанавливала проект по памяти. На пыльном полу проступил фасад. Тут нужно вернуть простенок, тут — проверить опору. Считая окна, я перестала слышать смех этажом выше.

Глава 3

Шорох снаружи.

У двери щёлкнула ручка. Я отняла палец от пола и протёрла его о ладонь, словно меня собирались уличить именно в грязных руках. Замок коротко пискнул. У охранника была карта. У Марка тоже. И у Вики, конечно, нашёлся бы способ её достать. Я посмотрела на окно, но лезть обратно по мокрой лестнице сил уже не было.

Если войдёт охранник, можно объяснить. Наверное. Если Вика — объяснение попадёт в сторис вместе с пыльным фасадом на полу. Я представила, как завтра Громов смотрит это перед семинаром, и поползла за трибуну. Дурацкое убежище: обувь всё равно видна. Я подтянула ноги и накрыла колени полкой пальто.

Прижалась спиной к трибуне. Заноза сквозь ткань колола плечо, но менять положение не рискнула. Я слышала, как открывается дверь, и почему-то следила за полосой света на полу, а не за человеком. Стоит наступить на мой пыльный чертёж — и от него ничего не останется.

Вошедший поставил мокрый зонт у стены. Он стукнул наконечником о пол, вода побежала к первой парте. Я сначала увидела эту лужу, потом туфли, потом подняла взгляд выше. Человек стоял против света из коридора, и лица я ещё не различала.

Это был не охранник.

Марк Валерьев. Волосы прилипли ко лбу; на кашемировом плаще выделялись тёмные мокрые плечи. Он посмотрел за трибуну и остановился. Я почти приготовила ответ на «опять ты», но он ничего не сказал. Убрал с лица мокрую прядь и зачем-то оглянулся на дверь. Хочет позвать кого-то? Я оттолкнулась от трибуны, готовая встать.

Он подошёл, но оставил между нами две парты. Теперь можно было видеть его лицо без света в глаза. Под нижними веками залегли тени; раньше я их не замечала, слишком занята была его ртом. Марк смотрел на мои мокрые рукава. Я спрятала поцарапанное предплечье, хотя прятать его было совершенно незачем.

— Тебе не холодно? — спросил он. Голос был низким, хриплым. Без насмешки.

Вместо ответа я потёрла локти. Да, холодно. Ему-то что? Марк снял шарф, развернул его и бросил мне. Я успела подхватить ткань, прежде чем она съехала на пол. Поднесла к лицу, проверяя: сухой. Ещё тёплый от его шеи. Хотелось отдать сразу, но я уже наматывала его на себя и злилась, что Марк это видит.

Шарф согрел шею. Я ненавидела себя за то, как жадно в него уткнулась. Если он сейчас велит вернуть — верну. Но пусть сначала скажет вслух.

Марк сел у соседней парты и вытянул ноги. Дорогие брюки оказались в той же пыли, что мои джинсы; я чуть не предупредила его и вовремя прикусила язык. Пусть. Он достал сигарету, покрутил её, но не прикурил. Я ждала, попросит ли зажигалку обратно. Он смотрел на окно, а я всё сильнее затягивала шарф. Смешная война: кто первым признается, что пришёл сюда неслучайно.

— Ты зачем снова пришёл? — спросила я.

Он покрутил незажжённую сигарету.

— Дома не спится.

— Тут тоже. Благодаря тебе.

Марк опустил глаза. Возражать не стал. От этого мне впервые захотелось посмотреть на него ещё раз.

Дождь бил в раму. Сандаловый запах шарфа сперва раздражал, потом я перестала его замечать. Марк держал сигарету между пальцами, а пепла всё не было, и это почему-то успокаивало: он не спешил закурить и уйти. Я подвинула ногу, чтобы не касаться его туфли. Он

заметил и отодвинулся сам. Так мы и сидели, достаточно близко для чужого тепла и достаточно далеко, чтобы не просить его вслух.

На третью ночь я начала путать деления линейки: смотрю на четыре миллиметра, записываю пять. Перешла в аудиторию №402, где батарея была хотя бы под окном, а не за шкафом. Но и она не грела. Я прислонилась к ней спиной, расстелила ватман на полу. Вчера комендантша назвала новую причину выселения — «систематическое нарушение правил проживания». Ремонт за сутки превратился в мою вину. Хочешь спорить — приходи днём. Днём у меня занятия. Круг можно было чертить без циркуля.

На бумаге получались мелкие зигзаги. Я прижимала запястье второй рукой, но тогда съезжала линейка. К утру надо сдать эскиз. Декан уже говорил об «отсутствии прогресса», и объяснить ему, что я три ночи сплю на полу, значило дать ещё один повод. Я попробовала провести короткую линию вместо длинной. Короткая вышла. Значит, буду строить кусками.

Приложила ладони к батарее. Даже у трубы холодно. От досады наконец заплакала — тихо, наклонившись над листом, и две капли попали прямо на штриховку. Промокнула рукавом, сделала только хуже. Последний карандаш сточился почти до дерева; заточить его ещё раз было нечем. Ластик, отсыревший вместе с пеналом, тянул за собой серую грязь. Утром я должна буду положить этот лист перед Громовым. Он даже наклоняться не станет.

Я схватила огрызок угля из забытого преподавателем набора для рисования. Он крошился под давлением пальцев, пачкая всё вокруг черными пятнами. Для рабочего наброска уголь годился. Для сдачи — нет. Но хотя бы нужную линию я им намечу.

По линолеуму за дверь скрипнула подошва. Я подняла голову, уголь оставил на шее чёрную полоску. Прислушалась. Шаги остановились. Можно сказать, что я задержалась на занятиях, но рядом чемодан. Можно спрятать чемодан — некуда, дверца шкафа снята. Я глядела на него и чувствовала себя идиоткой: проверять, как бы всё спрятать, нужно было до того, как сюда пришла.

Дверь тихо открылась.

Марк Валерьев вошел внутрь.

Марк закрыл дверь, не сказав ни слова. Переставил лампу с подоконника на парту и включил. Свет попал прямо в глаза, я заслонила рукой. Он тут же повернул абажур к ватману. Вот этого я не ожидала. Потом опустился на корточки напротив. Кашемировый свитер чистый, волосы сухие; он успел где-то переодеться. Я поймала себя на зависти к совершенно обыкновенной сухой одежде.

— Грязная работа, — сказал он, посмотрев на уголь у меня в пальцах.

Он положил передо мной свой блокнот в кожаном переплете и длинный, идеально заточенный графитовый карандаш.

Передо мной лежал длинный карандаш, заточенный так, что стружка ещё держалась у грифеля. Я сразу прикинула, на сколько линий его хватит. И тут же захотелось оттолкнуть: Марк наверняка заметил, как я на него смотрю. В первый день он порвал мой лист. Сейчас принёс чем чертить. Хорошо устроился: сам решает, в каком состоянии должна находиться моя работа.

— Убери, — прошипела я, отвернувшись.

Он убрал руку, но карандаш оставил. Сел на пол, открыл планшет, выбрал толщину линии. Я продолжила возиться с углём, нарочно громко постукивая огрызком о край набора. Марк даже не повернулся. Только стилус коротко касался стекла — раз, ещё раз. Мне стало досадно, что он обходится без линейки. И что я всё время проверяю, смотрит ли он на меня.

Я дорисовала углём простенок и остановилась: дальше будет грязь. На планшете Марка складывался знакомый фасад. Я наклонилась, не удержавшись. Ритм окон мой, а за ними объём устроен иначе. Хотелось спросить, откуда он это взял. Вместо этого я посмотрела на карандаш,

который всё ещё лежал рядом. Можно хотя бы дойти до точки схода, а дальше решать, сколько стоит моя гордость.

Я положила уголь. К утру нужны чертежи, а не доказательство моей гордости.

— Верну после сдачи.

Марк кивнул. Карандаш лёг в пальцы непривычно легко.

Мы перенесли листы на парту и сели рядом. Лампа стояла между нами; стоило отодвинуться, моя половина чертежа попадала в тень. Я подтащила стул обратно и сердито расправила ватман. От Марка пахло сандалом, от меня — мокрым пальто. Почему именно сейчас я должна об этом думать? В тёмном окне отражался его профиль. Я взглянула один раз, потом ещё. Удобное стекло: он работает и будто бы не замечает.

Карандаш дёрнулся. Линия ушла мимо точки схода, и я так резко остановилась, что грифель проткнул бумагу. Под ватманом на столе осталась точка. Я уставилась на неё. Сейчас скажет, что даже с его карандашом ничего не умею. Придётся ответить, а я почти закончила — можно хоть эти пять минут не отвечать?

Марк взялся за край линейки и повернул её к другой отметке. Я не отпустила сразу, наши пальцы столкнулись. У него ладонь была тёплая. Даже обидно, что он мог вот так запросто коснуться и продолжить работу. Я проверила, куда он ведёт линию. Точка схода действительно должна была быть там.

— Здесь точка схода смещена, — произнес он очень тихо, глядя на бумагу. — Тень убьёт форму.

Обе линии теперь сходились. Я провела одну сама, уже без его руки на линейке. Хотелось сказать: «Я бы тоже заметила». Но когда? После сдачи? Марк не ждал благодарности, и от этого благодарить стало проще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.